

Что знаем мы о Византии?

Ее таинственных веках?
Она на трех материках
Воздвигла храмы золотые...
(Александр Космин. Византия [9, с. 75])

(Рец. на кн.: Сорочан С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры: Учебное пособие. – Харьков: Майдан, 2011. – 952 с.)*

Домановский А. Н.

Отсылка в названии и эпиграфе рецензии к художественному стихотворному произведению продиктована, прежде всего, как самой рецензируемой книгой, так и неизменной любовью ее автора к поэтическому слову. Далеко не случайно даже изданная, как нередко говорят между собой коллеги-историки, «под докторскую диссертацию» монография С. Б. Сорочана «Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена» [23; 24], предварялась яркой цитатой из произведения Аракела Багешского «Плач о столице Стимболе»: «...Как виноградник роскошный / Ты цвела, Византия...». А ее текст, у многих исследователей обычно сухой, в чем-то скучноватый и чуть ли не дословно повторяющий диссертацию, был автором в значительной степени изменен, максимально отдален от сугубо научного и приближен к научно-популярному, и, если можно так сказать, поэтизирован.

И уж если даже в сугубо научной монографии исследователь смог избежать чрезмерной наукообразности (за которой, кстати говоря, нередко пытаются скрыть поверхностное знание предмета изложения), то в еще большей степени это удалось ему в рассчитанном на широкий круг читателей пособии, одним из специальных задач которого было «насколько возможно уйти от сухого, мертвящего академизма изложения в сторону живого, образного, эмоционального языка, одинаково понятного и школьнику, и студенту» (с. 17). Об этом свидетельствуют уже любовно подобранные поэтические цитаты, с первых страниц вводящие читателя в атмосферу книги. Они образно определяют как само содержание книги: «Красны чары византийския...» («Чары Византии (рондель, со старославянского варианта)») (с. 5), как исследовательское кредо, так и мировоззренческую установку, в чем-то даже, возможно, если угодно – жизненную позицию автора: «Страшно подумать – иду

* Ссылки на рецензируемое издание даются в тексте рецензии в круглых скобках.

защищать Византию / Сладко мне верить, что поиск мой ею храним» (Н. В. Жилина) (с. 7).

Впрочем, поэтическая цитата в начале рецензии не случайна и по другой, не менее, если не более важной причине. Яркое уже в своих первых строках стихотворение Александра Космина имеет не менее патетическое продолжение:

«Сошлись в ней Запад и Восток,
И Север с Югом встали рядом –
Неодолима преграда,
Людской прервавшая поток.

Который бесконечно тек,
И был Восток – его исток...
Преграда рухнула когда-то,

О ней забыло большинство,
Но древних храмов волшебство
В своих руинах даже свято!» [9, с. 75].

Как видим, Византия осталась для автора окутанным ореолом святости эпицентром мировой истории, местом таинственного волшебства древних храмов, неодолимой преградой и, вместе с тем, местом встречи Востока и Запада, Севера и Юга. Она давно исчезла и оказалась прочно забытой для большинства. Этим, видимо, знания о Византии ограничиваются, и ответ на вынесенный в первую строку стихотворения вопрос «Что знаем мы о Византии?» оказывается и для поэта, и для читателя весьма зыбким и туманным. Такое образное восприятие Византии, оваянной романтическим ореолом могущества, незыблемым авторитетом святости и, вместе с тем, чарующей дымкой таинственности весьма распространено. Известный российский византист А. М. Лидов вспоминает, что однажды во Франции студентка, узнав, что он занимается византийским искусством, воскликнула: «Ой, как интересно! Ведь правда, Византия – сказочная страна, которой никогда не существовало!» [14]. Иногда прикровенная дымка византийской тайны приобретает еще и звук, как в широко известной талантливой музыкальной композиции петербургского ансамбля Вермишель «Византия», и даже запах, ведь не зря все там же, во Франции, и также из уст студентки профессор-византист Фотеини Колову, специалист по византийской риторике и историографии, услышала недоуменный вопрос: «Византия, ведь это духи?» [27].

На такой устоявшийся в массовом сознании образ Византии оказывают влияние еще два важных фактора. С одной стороны, это уходящее корнями еще в эпоху европейского Просвещения, в труды Вольтера и Эдуарда Гиббона, восприятие империи как пребывающего в непрерывном упадке и загнивании царстве интриг, заговоров, тайн,

лиоблюдства, бессмысленных оторванных от жизни богословских измышлений и придворных церемоний. В этом смысле термины «византийский», «византийщина» и производные от них нередко употребляются разного рода общественно-политическими деятелями, писателями, публичными интеллектуалами как синонимы интригантства, непубличной политики и тайных договоренностей, взяточничества, путаности и противоречивости невыполнимого и, соответственно, невыполняемого законодательства и тому подобных вещей.

С другой стороны, существует, характерное особенно для восточнославянского мира характерно восприятие Византии как Духовной Прародины, истоку Православия, величайшей духовной святыни Европы, да и, пожалуй, всего человечества. При таком взгляде все «византийское» становится сугубо позитивным, высокодуховным, в значительной степени – образцом для подражания и наследования. Весьма показательным и во многом знаковым для популяризации и распространения этого взгляда в России, да и в Украине, стал широко известный и весьма дискуссионный фильм о Тихона (в миру Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок» (2008 г.). (Кстати говоря, в книге С. Б. Сорочана он ошибочно назван «Падение Византии: уроки гибели», что, впрочем, весьма точно передает суть фильма, хотя и делает название гораздо менее полифоничным (с. 14). Характерно, что после выхода фильма в России, по моим наблюдениям, упоминания Византии и «византийского» в первом, сугубо негативном и уничижительном контексте в устах публичных деятелей и политиков стало гораздо более редким явлением, чем было до этого.

Таким образом, при выборе любой из двух названных точек зрения, крайне, кстати говоря, однобоких и поверхностных, Византия предстает скорее символом, некоей умозрительной конструкцией, но никак не живым, некогда полнокровным общественным и государственным организмом, имевшим свои достоинства и недостатки, победы и поражения, достижения и просчеты. Империя становится либо некоей идеальной моделью, выставляемой либо в качестве образца для подражания, либо жупелом для поношения и идолищем поганым для побивания камнями. Вполне уместно прозвучит в этом контексте продолжение цитаты из «Плача о Столице Стимболе» Аракела Багешского, опущенное С. Б. Сорочаном в уже упоминавшемся эпиграфе к монографии «Византия IV–IX веков: этюды рынка»: «...Как виноградинок роскошный / Ты цвела, Византия, / Сегодня плод твой стал негодным, / Колочкой стал, Византия...».

И в том, и в другом случае за описанными схемами восприятия теряются живые люди, которые творили историю Византийской империи, рождались, жили, старились и умирали в рамках византийского общества, самой своей жизнью создавая, сберегая, изменяя и передавая его ценности в будущее грядущим поколениям. Не удивительно поэтому,

что, как отмечает С. Б. Сорочан, «для большинства студентов, поступающих на исторические факультеты, не говоря об остальных, Византия является чем-то наподобие «черной дыры», призрачной и малоизвестной, о которой они имеют первоначальные, поверхностные знания, как верно заметил один из белорусских преподавателей византиноведения, А. Ю. Бодак, «едва ли большие, чем об истории, скажем, Парагвая или Лаоса»» (с. 15). Да и то, добавим, эти знания сводятся, в лучшем случае, либо к истории византийской ортодоксальной церкви, богословской проблематике, либо к истории политической и военной, преимущественно к событиям эпохи правления Юстиниана I (527–565) или смутно представляемым контактам между Византией и Киевской Русью в X в., прежде всего в связи с крещением князя Владимира и последующей христианизацией Руси и, в несколько меньшей мере, с походами руси на Константинополь и византийско-русской торговлей в мирных договорах X в.

Из своего собственного опыта могу отметить, что половина студентов при изучении общего курса истории Украины на неисторических факультетах с трудом соотносят летописный Царьград, всплывающий, как бы из ниоткуда в истории Киевской Руси IX–XI вв., с ромейским Константинополем, о котором они что-то слышали еще в 7 классе общеобразовательной школы на уроках всемирной истории, а оба эти названия вместе – с современным турецким Стамбулом, где многие бывали проездом или на экскурсиях во время отдыха в Турции. И уж подавно они не знают о древнегреческой мегарской колонии Визинтии, городке, в честь которого и получила свое название средневековая Ромейская империя, больше известная широкому кругу образованных людей под прочно устоявшимся еще со времен Возрождения и Просвещения условным названием Византия или Византийская империя.

Собственно говоря, рецензируемая книга С. Б. Сорочана и была написана именно для того, чтобы восполнить лауну самостоятельно сформированного знания о Византии, которая зияет в сознании современного, нередко во многих других отношениях весьма неплохо образованного, читателя. Этим определена главная цель издания, адресованного, прежде всего, «студентам гуманитарных факультетов вузов, слушателям Духовных семинарий и академий, учащимся старших классов средних школ, гимназий, лицеев, углубленно или факультативно изучающих всемирную историю, а также всем, начинающим «самостоятельное» путешествие в увлекательном, насыщенном живыми событиями, подчас причудливым, драматичном, даже трагичном мире византийской истории, который, конечно, был окрашен не только в темные краски» (с. 15–16).

Для этого автором была избрана беспроектная стратегия – показать Византию в ее «человеческом измерении», через призму повседневной жизни византийца, его страхов и печалей, радостей и

надежд, бытовых нужд, потребностей и возможностей их удовлетворения, начав с вопроса личной гигиены и заканчивая проблемами сложного устройства и функционирования византийского общества и государства, осознания ромеями своего места в цивилизованной ойкумене и мировой истории перед лицом вечности и Бога. Это позволяет сделать бесконечно далекий от современности мир Византии доступным, понятным человеку современному, ведь ему несложно будет понять, что, подобно ему нынешнему, византийцев заботили, с одной стороны, все те же вполне земные проблемы еды, жилья, здоровья, отношений с друзьями и родственниками, соседями и коллегами по работе, воспитания и образования детей для подготовки их к самостоятельной жизни и многое другое, а с другой – мысли о смысле жизни и бытия, соотношении земного и Божественного, краткого отрезка личной жизни с извечным течением вселенской истории.

Как верно об этом пишет сам С. Б. Сорочан, «во все времена и в любой стране люди трудились и отдыхали, страдали и радовались, любили и ненавидели, растили детей, постигали науку житейской мудрости, учились, верили в лучшее, мечтали о счастье для себя и своих потомков. В предлагаемом учебном пособии мы попытаемся проникнуть в подобный мир повседневного бытия, сознания и мышления византийцев, взглянуть на Византию их глазами, понять основные проблемы, идеи, взгляды, представления, господствовавшие в обществе столь оригинальной цивилизации, которая создала новую христианскую культуру и новый образ жизни» (с. 17).

Немного можно назвать в мировом византиноведении работ, в которых ставились, и, главное, успешно решались подобные задачи. Еще меньше их доступны русскоязычному читателю в России и Украине, и, пожалуй, пальцев двух рук будет достаточно, чтобы назвать самые известные и, вместе с тем, самые важные из них, давно ставшие, к тому же, настоящей библиографической редкостью, несмотря даже на то, что некоторые из них не единожды переиздавались в самое недавнее время. Это как оригинальные, так и переводные работы «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» А. П. Рудакова [21; 22], «Очерки византийской культуры» П. В. Безобразова [1], «Византийская культура (X–XII вв.)» А. П. Каждана [6; 7], «Как жили византийцы» Г. Г. Литаврина [15; 16], «Византия: быт и нравы» М. А. Поляковской и А. А. Чекаловой [18], «Византия. Быт. Религия. Культура» Т. Т. Райс [20], «Золото Византии» М. Каплана [8], «Византийская цивилизация» А. Гийу [3], «Византийцы. Наследники Рима» Т. Д. Райса [19], «Византия» С. А. Иванова [4] и, наконец, трехтомник «Культура Византии», подготовленный коллективом ведущих советских византистов в 1980-е гг. [10; 11; 12]. Книга С. Б. Сорочана является, с одной стороны, достойным продолжением этого списка, однако с другой имеет и совершенно новаторский, самостоятельный характер, прежде всего,

благодаря оригинальной авторской концепции всего издания, расстановке акцентов в отборе материала и его изложении.

Прежде всего следует отметить понимаемую самим автором сложность целостной характеристики более чем тысячелетней византийской истории, неизбежно чреватая представлением некоего весьма приблизительного умозрительного усредненного образа, имеющего весьма слабую связь с реальностью каждого сложного и противоречивого периода, которых немало переживала Империя. Приблизительно с теми же проблемами столкнулись и отмечали их, к примеру, в уже упомянутых ранее книгах, А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Останавливается на этом и С. Б. Сорочан: «...разумное сочетание проблемного изложения с хронологическим, событийным, что является наиболее трудным для достижения. ...предпринята попытка создать некий усредненный образ этой великой Империи, сквозь который проглянуло бы ее сердцевинное содержание, остававшееся максимально неизменным. Если это удалось, задачу можно считать выполненной» (с. 18).

Запланированное, несомненно, автору удалось, несмотря на то, что перед ним стояла гораздо более сложная задача, чем перед А. П. Кажданом и Г. Г. Литавриным, ограничившим свое изложение преимущественно центральным периодом византийской истории – IX–XII вв., тогда как С. Б. Сорочан пишет о всей истории Империи ромеев, начиная с IV в. и основания Константинополя и заканчивая в XV в. его падением и значением византийского наследия для современного мира. Успешно преодолел он и другие вполне очевидные «ловушки» – невозможность создать некий «усредненный» образ абстрактного византийца безотносительно уровня его материального благосостояния, социального статуса, места проживания, профессиональной деятельности, этнической принадлежности и т. п.

Содержание книги определено основными параметрами, парадигмами, определявшими повседневную жизнь, быт и сознания византийцев. Это государство и церковь, семья и ближайшее социальное окружение, образование и карьера и многое другое. Отход от традиционной социально-политической и социально-экономической истории потребовал от автора создания текста, крайне насыщенного деталями и яркими наблюдениями, пронизанного духом эпохи и завернутого в плотную ткань оригинальных выводов, как самостоятельных, так и почерпнутых из богатого, более чем полуторазекового наследия научной византистики.

На последнем, пожалуй, стоит специально заострить внимание, поскольку в книге С. Б. Сорочана учтены не только обобщающие работы по истории Византии, издававшиеся, начиная со второй половины XIX в. и до наших дней, но и самые свежие специальные работы по отдельным темам, которых автор касается в ходе изложения. Характерным для учебного пособия является при этом учет и озвучивание разных научных

взглядов на какую-либо проблему, приведение как классических устоявшихся, так и новейших мнений исследователей. Это выгодно отличает книгу от большинства других учебников и пособий, нередко излишне догматичных и не допускающих многоплановости мнений и взглядов. К примеру, изданное в 1984 г. популярное учебное пособие Г. Л. Курбатова «История Византии (от античности к феодализму)» [13], основывалось, по справедливому замечанию С. Б. Сорочана, «на научных взглядах самого автора и не позволяло учащимся познакомиться с существующей полемикой» (с. 14). Демонстрация же разноплановости научных взглядов и концепций по ключевым вопросам византийской истории крайне важна для подготовки специалиста, да и просто интересна рядовому читателю, поскольку вводит его в мир живой науки и самостоятельного научного поиска, демонстрирует дискуссионность многих нерешенных до сегодняшнего дня научных проблем и, соответственно, позволяет сразу же поколебать нередко бытующее среди неспециалистов крайне ошибочное мнение о том, что в древней истории все уже исследовано и написано, и никаких открытий, по крайней мере кардинально новых, от нее ждать не приходится.

Впрочем текст книги С. Б. Сорочана основывается далеко не только на достижениях историографии. Автором был широко использован громадный массив глубоко проработанных письменных источников по истории Византии, что позволило ему привнести в изложение немало ярких и, вместе с тем, немаловажных фактов, которые если и не впервые упоминаются в историографии, то уж точно нечасто попадают на страницы не только обобщающих книг, но и специальной византиноведческой литературы.

Тщательно подобранными отрывками из этих источников в переводах на русский язык заканчивается каждый раздел учебного пособия. Важно при этом, важно подчеркнуть, что они выполняют не только иллюстративную роль (хотя и она важна), но и показывают, на чем основывал автор выводы, изложенные ранее в соответствующем разделе, а также позволяют читателю составить собственное мнение по поднятым вопросам, возможно даже – попытаться вступить в полемику, оспорить какие-либо выводы и идеи автора. Значимость этих мини-хрестоматий подчеркивает и сам С. Б. Сорочан, указывая, что их наличие «...позволяет не только оживить, а иногда – уточнить, дополнить рассказ, но и дает возможность ощутить колорит эпохи, услышать заветный «шорох времени», усилить чувство достоверности изучаемых фактов, наконец, что особенно важно, привить первые навыки критического анализа» (с. 19).

«Шорох времени» является выражением прежде всего образного восприятия византийской эпохи через звук и, отчасти, через тактильные ощущения переворачиваемых книжных страниц, этот звук издающих. Однако книга С. Б. Сорочана позволяет воспринять эпоху также и через

визуальный образ, и через осязание, и через обоняние, и даже на вкус. Причем это далеко не только образное выражение, ведь § 4 «Пища» раздела 5 «Ритмы жизни. Будни и праздники византийцев» (с. 285-292) позволяет буквально приготовить византийские блюда и попробовать их. Подобным образом в недавней книге А. Далби «Вкусы Византии. Кухня легендарной империи» [25] приведены вполне доступные для воспроизведения на современной кухне рецепты блюд, употреблявшихся в пищу византийцами.

Еще более насыщен и оригинален поэтически названный автором цитатой из стихотворения Александра Блока § 2 «Забытый гул погибших городов...» (с. 249-271). И это далеко не удивительно, ведь именно эта тема является одной из ведущих в научном творчестве С. Б. Сорочана, и именно мир византийского горожанина в его повседневно-бытовом измерении стал во многом темой его докторской диссертации. Как писал он сам в кратком предисловии ко второму изданию своей монографии: «Собранные по крупицам материалы вводят читателя в мир повседневной и поэтому малоизвестной стороны жизни Римской империи с момента ее возникновения до времени расцвета в IX-X вв. и впервые позволяют воссоздать мир византийского лавочника, торговца, ремесленника, а именно: пространственную, историко-экологическую и организационную структуру торгово-ремесленных объектов. Она зримо предстает в виде городских торговых площадей – рынков, кварталов, рядов, прочих «торговых точек», лавок-мастерских, торгово-складских, гостиничных сооружений, ярмарок-панигиров...» [24, с. 3]. Предложенный еще И. П. Медведевым [17; 28] и весьма успешно реализованный на практике С. Б. Сорочаном в докторской диссертации метод исторической экологии нашел свое яркое зримое применение прежде всего именно в этом, но также и в ряде других параграфов учебного пособия.

Отдельного упоминания заслуживает в высшей степени подробное, доходящее до мельчайших деталей знание автором бытовых, вещественных реалий эпохи. Если можно так сказать, «овеществление» (українською «уречевлення») повседневного, бытового мира византийца достигает в книге максимально возможного высочайшего уровня, найти даже приблизительное соответствие которому в известной нам русскоязычной литературе крайне сложно. Оно базируется, главным образом, на глубочайшем проникновении в структуры и реалии бытовой повседневности через источники, из которых прежде всего следует упомянуть богатую деталями, позволяющую представить широкое полотно повседневного «фона эпохи» византийскую агиографию. С. Б. Сорочан может по праву считаться одним из лучших современных отечественных ее знатоков, и далеко не случайным в книге оказывается специально выделенный «Хронологизированный перечень агиографических источников (персоналии)» (с. 354-361).

Не меньшее значение имеет и тот факт, что автор книги – профессиональный археолог, прошедший десятки полевых сезонов и прошедший путь от рядового землекопа до начальника археологической экспедиции во время раскопок Херсонеса Таврического. Ни одно кабинетное ознакомление с результатами археологических исследований по отчетам, публикациям, фотографиям, рисункам и чертежам не способно заменить ту вездливую, в буквальном смысле слова дотошную работу археолога с «живой», собственноручной извлеченной из погребенного под землей времени вещью. Образно говоря, и при написании рецензируемой книги С. Б. Сорочан, в определенном смысле слова, проводил все те же археологические раскопки, в которых кирку заменил пытливый ум, а тонны земли – сотни и тысячи буквально перелопаченных в поисках заветных круп и деталей эпохи научных публикаций.

О последних стоит сказать особо. Впечатляющее знание византийской материальной культуры и повседневной жизни основывается на широком знакомстве и активном применении последних достижений мировой византистики, в которой эта тематика стала одной из ведущих с начала 1980-х гг., то есть практически со времени начала активного обращения С. Б. Сорочана к византийскому материалу. Вне всякого сомнения, ему известно, пусть из нередко из аннотаций, рецензий и вторых рук (что обусловлено сложностью доступа к зарубежной научной литературе в наших умеренных в интеллектуальном плане широтах) подавляющее большинство публикаций, представленных в анонсированной М. Грюнбартом в одном из последних номеров одного из ведущих мировых византиноведческих журналов «Byzantinoslavica» «Библиография по византийской материальной культуре и повседневной жизни» (<http://www.univie.ac.at/byzantine>) [26]. А это, ни много ни мало, на данный момент – более 400 тысяч наименований, число которых ежегодно прирастает пятьюстами – тысячей новых позиций.

Кстати говоря, упоминание в тексте рецензии ссылки на размещенную в сети Интернет византиноведческую библиографию позволяет обратить внимание на еще одно приложение рецензируемой книги, а именно – «Каталог интернет-ресурсов по позднеантичной, средневековой и византийской истории» (с. 934-942), который содержит ссылки на основные сайты по истории Византии, крайне необходимые как опытному, так и, в особенности, начинающему исследователю.

Степень проникновения С. Б. Сорочана в «мир вещей» византийца ярко позволяет оценить еще одно приложение – весьма объемный, занимающий более 400 страниц «Словарь имен, названий и терминов» (с. 362-796), позволяющий читателю, не обремененному столь детальным знанием эпохи легко выяснить значение того или иного упоминаемого в основном тексте термина или понятия. Понять степень детализации этого приложения позволяет сравнение с изданным

практически одновременно с рецензируемой книгой «Византийским словарем», подготовленным коллективом авторов. Приведем лишь один абсолютно случайный пример, выбранный наугад, а именно приведенное в обоих словарях определение термина «кампан».

Статья Византийского словаря предельно кратка: «Кампан – безмен» [2, Т. 1, с. 442]. И неосведомленный читатель остается в недоумении, ведь ему вполне может быть неизвестен и термин «безмен». У С. Б. Сорочана же приведено гораздо более пространное определение, позволяющее понять предназначение этого приспособления, принцип его действия и представить визуальное его внешний вид и работу: «Кампан – неравноплечные весы – безмен в виде бронзового штыря с делениями, на одном конце которого подвешивалась гиря – противовес, а на другом – три крюка на цепочках. Именно к ним прикреплялась взвешиваемая тяжесть. Противовес перемещали вдоль штыря-плеча с нанесенными на нем делениями пока не наступало состояние равновесия. К., в отличие от зигий, предназначался для взвешивания больших грузов – продуктов питания, бакалейных товаров, тканей, бус, свечей и пр. Противовесы (к настоящему времени известны только изготовленные в ранневизантийский период) имели различный формы – фигур людей, богов, животных, простые геометрические форм (к примеру, сфера или полусфера с оболочкой из меди и свинцовым наполнением). См.: пантапол, салдамарий, метрология» (с. 507). Как видим, разница в информационной насыщенности очевидная и впечатляющая. Более того, некоторые выделенные жирным курсивом термины в тексте харьковского византиниста являются отсылками к другим статьям словаря, создающими своеобразный насыщенный гипертекст. Примеры сравнений в пользу труда С. Б. Сорочана можно множить практически до полного исчерпания содержания обоих изданий, и лишь ограниченный объем и так уже достаточно разросшейся рецензии удерживает от приведения еще ряда столь же ярких и столь же случайно и наугад выбранных терминов и понятий.

Единственным крупным недостатком всего издания С. Б. Сорочана в плане создания представления о материальной культуре является полное отсутствие в книге иллюстраций, нехватка которых особенно болезненно чувствуется в разделах о жилье и одежде, образах деревни и города, строительстве, церковной службе и утвари, медицине, развлечениях и праздниках и т.п., тем более, что материалы для таких иллюстраций есть и они хорошо известны автору. Вполне понятно, что они, особенно в цветном варианте существенно удорожали бы книгу, и так напечатанную за счет спонсорских средств, и остается лишь пожелать скорейшего переиздания этого фундаментального труда. Оно тем более необходимо, что книга имеет еще два существенных недостатка – мизерный, в несколько недель полностью разошедшийся тираж в 100 экземпляров (не помогла даже специальная произведенная по дополнительным заявкам допечатка еще 50 книг), а также поистине

громадное количество опечаток. Оба эти недостатка необходимо будет устранить в переиздании, которое становится тем более вероятным, что книга С. Б. Сорочана была отмечена в этом году престижной премией памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) Московского Патриархата Российской Православной Церкви по номинации «Учебник или учебное пособие».

Завершая рецензию, следует отметить, что учебное пособие содержит крайне ценную и весьма объемную библиографию (2840 наименований) (с. 797-933), в которой учтены практически все известные на данный момент переводы на русский и украинский языки источников по истории Византии, основная и вспомогательная литература, прекрасный подбор справочников и почти исчерпывающий перечень отечественных библиографических указателей. Отдельно отметим включенные в список художественные произведения, позволяющие разнообразить чтение и проследить восприятие Византии в современной мировой литературе.

Наконец, отметим, что, базируясь изначально на археологии вещественной книга в итоге оказывается не менее, если не более значимой для понимания ментальной археологии византийской цивилизации. Тонкие материи сознания оказываются столь же доступными для детального всестороннего изучения под пристальным взглядом ученого, как и железный кровельный гвоздь, использовавшийся византийскими строителями, под спектральным анализом, проводимым с целью выяснения их элементного и молекулярного состава.

Как видим, книга, названная С. Б. Сорочаном «Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры» вполне могла бы иметь и менее научное, но ничуть не менее яркое название: «Византия: вкус эпохи. Археологическое исследование быта и ментальности». Прочитав ее, спросите себя:

Так что же знаем мы о Византии?

Примечания

1. Безобразов П. В. Очерки византийской культуры / П. В. Безобразов. – Пг., 1919.
2. *Византийский словарь*: в 2 т. / [сост., общ. ред. К. А. Филатова]. – СПб., 2011. – Т. 1-2.
3. Гийу А. Византийская цивилизация / А. Гийу. – Екатеринбург, 2005.
4. Иванов С. А. Византия / С. А. Иванов. – М., 2001.
5. Каждан А. П. Быт и культура в Византии / А. П. Каждан // Преподавания истории в школе. – 1955. – № 1.
6. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.) / А. П. Каждан. – М., 1968.
7. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.) / А. П. Каждан. – СПб., 2006.
8. Каплан М. Золото Византии / М. Каплан. – М., 2002.

9. Космин А. Византия / А. Космин // На вулиці Петровського: Поезії / Редактор і упорядник В. І. Ковальов. – Харків, 2010.
10. *Культура Византии IV – первая половина VII в.* / Отв. ред. З. В. Удальцова. – М., 1984.
11. *Культура Византии XIII – первая половина XV в.* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М., 1991.
12. *Культура Византии вторая половина VII–XII в.* / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М., 1989.
13. Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму) / Г. Л. Курбатова. – М., 1984.
14. Лидов А. М. Что нам Византия? / А. М. Лидов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1162855.html>. Доступ – 20.10.2011 г.
15. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / Г. Г. Литаврин. – М., 1974.
16. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / Г. Г. Литаврин. – СПб., 1997.
17. Медведев И. П. Историческая экология и византийский город: к постановке проблемы / И. П. Медведев // Античный и средневековый город. VII научный Сюзумовские чтения. – Екатеринбург, 1994.
18. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы / М. А. Поляковская, А. А. Чекалова. – Свердловск, 1989.
19. Райс Д. Т. Византийцы. Наследники Рима / Д. Т. Райс. – М., 2003.
20. Райс Т. Т. Византия. Быт, религия, культура / Т. Т. Райс. – М., 2006.
21. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии / А. П. Рудаков. – СПб., 1997.
22. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии / А. П. Рудаков. – М., 1917.
23. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена / С. Б. Сорочан. – Харьков, 1998.
24. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Изд. 2-е, испр. и доп / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2001.
25. Dalby A. Tastes of Byzantium. The Cuisine of Legendary Empire / A. Dalby. – London; New York, 2010.
26. Grünbart M. Bibliography on Byzantine material culture and daily life / M. Grünbart // Byzantinoslavica. – 2009. – Т. 67.
27. Kolovou F. Byzantinistik heute: eine weltferne Wissenschaft? / F. Kolovou. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forschung-und-lehre.de/wordpress/?p=4756>. Доступ – 20.10.2011 г.
28. Medvedev I. Pur l'écologie historique de la ville byzantine / I. Medvedev // Acts of the 18th International Byzantine Congress, Moscow, 1991. – Selected Papers: Main and Communications. – Shepherdstown, 1996. – Vol. 1.